

УДК 82.09

Т. А. Хохлова

**Православная этика в сознании героев романа А. С. Пушкина
«Капитанская дочка»**

В статье рассматривается отображение христианских ценностей в сознании героев романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Автором приводятся примеры, подтверждающие этическую ориентацию персонажей произведения на православие, выявляется, на каком уровне повествования проявляются христианские мотивы, последовательно доказывается, что христианская мораль полностью определяет мировоззрение и поведение пушкинских героев.

Ключевые слова: милосердие, сострадание, благословение, молитва, соборность, благодать, совесть, национальное русское сознание.

Русская литература XIX века по праву считается одной из высочайших вершин мировой культуры. Ее особенность — религиозная направленность, непрерывная связь с православной традицией, стремление постичь глубокие философские вопросы. Многие писатели-классики на страницах своих произведений задумывались о смысле жизни, незыблемых христианских ценностях, духовном единстве народа.

Двадцатые годы XIX века в русской литературной критике ознаменованы активным обсуждением значения национальной компоненты. Одним из первых, кого волновала эта проблема, стал А. С. Пушкин. Так, в статье «О народности в литературе» он отмечал, что народность есть «достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком» [16, т. 7, с. 39]. В этой же статье указаны составляющие народности. Это, по Пушкину, «климат, образ правления, вера». Различный у каждого народа «образ мыслей и чувствований» по-своему отражается в литературном творчестве. Что же касается русского «образа мыслей», то поздний Пушкин убежден: «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [16, т. 8, с. 130]. Этот характер проявляется в своеобразном взаимодействии дворянского и простонародного сознания. Это взаимодействие усматривается в этическом поле пушкинского романа, изображающего единую картину русского мира. В поэтике Пушкина и воплощаются важнейшие грани русского национального характера; при этом важно не забывать о духовном истоке его «особенности» — православии.

Творчество классика проникнуто весьма разнообразными магическими влечениями, но при этом у него изначально выражено христианское мировосприятие. В настоящее время становление религиозного направления в творчестве А. С. Пушкина довольно обстоятельно изучено. Этому вопросу посвящено немало отдельных научных изысканий [4; 13; 17; 20], в том числе и диссертационных работ [9; 21]. Кроме того, сама личность гения не раз рассматривалась учеными и православными священниками с точки зрения православных канонов [1—3; 5—8; 10—12; 14; 18; 19].

Наиболее ярко и многогранно христианские мотивы, на наш взгляд, представлены в романе «Капитанская дочка». Пушкинское произведение может быть понято как эстетический образец следования православной этике. Существенно, что в этот характерный для русского менталитета этический ореол попадают *практически все пушкинские персонажи*. Так, Петр Гринев, который пронизательно «чувствовал, что любовь моя не слишком его (отца. — Т. Х.) тронет и что он будет на нее смотреть как на блажь молодого

© Хохлова Т. А., 2014

человека» [15, с. 31] (отец видит в этой «романтической» любви «проказы», за которые виновника надлежит «проучить... путем»), после постигших Машу Миронову бедствий «знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество» [15, с. 72]. Удивительно, но христианский этический подтекст такой готовности персонажа, насколько нам известно, никогда не фиксировался в пушкиноведении. Между тем мы видим, что «обязанность» (т.е. долг гостеприимства) непосредственно следует за счастьем принять пострадавшую сироту. За такой готовностью стоит, конечно, христианское отношение к ближнему (прямо противоположное меркантильному прагматическому расчету на выгодную женитьбу сына) — *милосердие и сострадание*.

Уверенность рассказчика вполне подтверждается: «Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. <...> Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке» [15, с. 81]. Ключевым понятием является именно благодать Божия (источник соборного единения), которую люди «старого века» видели в деятельной поддержке наиболее нуждающегося и наиболее слабого поэтому человека: не «обласкать бедную сироту» — значит поступить противно христианской православной совести.

Существенно, что такое поведение персонажей диктуется не юридическими (правовыми) рамками закона, но имеет совершенно иной подтекст. Мы видим не раболепное заискивание перед богатым и удачливым, а христианскую помощь неимущему и нуждающемуся. Возникает новое — во Христе — благодатное единение людей. Причем оно изображается во вполне реалистическом произведении, а не в нормативном тексте. Таким образом, соборное единение людей не может быть объяснено в «законнической» системе координат: требуется иная, более сложная научная аксиология для описания этого явления.

Множество совпадений в речевой детализации с гоголевскими «старосветскими помещиками» (искреннее радушие, люди старого века, благодать Божия) свидетельствуют о том, что мы описываем не столько индивидуальное явление, свойственное именно и только поэтике Пушкина (или даже поэтике лишь данного произведения), сколько общий православный пласт и фон для всей русской классической литературы, подхватившей христианскую установку древнерусской словесности на воцерковление человека.

В рассматриваемом нами пушкинском тексте даже Пугачев, хотя и «потрясал государством», но в своем бытовом поведении, как оно представлено в пушкинском романе, пытается вписаться в аксиологию христианской морали: «Кто из моих людей смеет обижать сироту?» — закричал он. «Будь он семи пяден во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?» [15, с. 64]. Характерно, что в споре «енералов» Пугачева об участии явившегося из Оренбурга Гринева Хлопуша, винась «в пролитой христианской крови», тем самым духовно покидает ряды безблагодатной разбойничьей общности, добавляя при этом: «я губил супротивника, а не гостя» [15, с. 65]. Слова, которыми определяется Хлопуша («угодник», «жалость»), сигнализируют о потенциальном его приобщении к другому, истинному, типу человеческого единения — соборному. Тогда как «товарищ» Хлопуши, которому «бы все душить да резать» — «старичок в голубой ленте» — выпадает из христианского этического поля в силу того, что он «изменник» подобно другому инородному православной этике персонажу — Швабрину. Именно этот маргинал высказывает удивление сохранившимся в сердце «ссылного преступника, три раза бежавшего из сибирских рудников» островком христианской совести: «Да ты что за угодник?.. У те-

бя-то откуда жалость взялась?..» [15, с. 65]. Можно сказать, что в этом случае проявляется чрезвычайно существенное для христианского понимания человеческой природы, а также для понимания авторского отношения к герою — надежда и вера в любого человека, хотя бы и живущего вне закона, потенциальная возможность покаяния, пока этот человек жив. Показательна реакция Гринева: «Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком (Пугачевым. — Т. Х.), извергом, злодеем для всех, кроме одного меня... В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему...» [15, с. 73].

Не должно удивлять исследователей и читателей и то, что проблема *благословения* является центральной проблемой поэтики «Капитанской дочки». Для эгоцентричного секуляризованного сознания не требуется никакого благословения. Следовательно, и этот пласт художественного содержания романа может быть интерпретирован как одно из проявлений соборного начала. Приведем характерные примеры, свидетельствующие о значимости данного мотива в художественном мире произведения: «Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: “Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь <...> и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду”» [15, с. 10].

Авторитетность напутственного отцовского слова подкрепляется в данном случае не только отсылкой к народной мудрости, зафиксированной пословицей, но и тем, что авторской волей повторяется — в расширенном варианте — известный эпиграф к роману. Соседство христианского благословения и фольклорного текста чрезвычайно знаменательно: оно выражает глубинную укорененность жизни героев одновременно как в стихии народного (простонародного) космоса, так и в христианском этическом континууме, проявляющемся на уровне бытового поведения. В эпизоде сна Гринева, в котором тот видит «нечто пророческое», центральное место занимает, как известно, именно благословение. Матушка, обращаясь к «Андрею Петровичу» (в этом эпизоде сна — до того, как герой «устремил глаза... на больного» — метаморфоза с «отцом» еще не стала фактом сознания героя и читателя), говорит: «Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его» [15, с. 15]. Уже после трансформации «больного» в мужика «с черной бородою» и вопроса Гринева — «с какой стати мне просить благословения у мужика?», матушка произносит: «Все равно, Петруша... это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Наконец, сам «страшный мужик» «ласково меня (Петра Гринева. — Т. Х.) кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» [15, с. 16]. Трагическая коллизия, которую пытается разрешить герой («ужас и недоумение овладели мною»), таким образом, имеет в своей основе как раз проблему благословения.

Петр Гринева, как мы помним, «решился... писать к бабушке... прося родительского благословения» взять в жены Машу Миронову, и получив отказ («моего благословения... дать я тебе не намерен»), заявляет: «я готов на все». В этом месте романа возникает романтический вариант возможного сюжета, для которого взаимная любовь героев является вполне достаточным условием венчания — без благословения. Однако пушкинская героиня отвергает эту возможность: «Бог лучше нашего знает, что нам надобно»; «Покоримся воле Божией»; «Нет... Я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет нам счастья»; «Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женой, как с согласия моих родителей» [15, с. 33].

Накануне мученической смерти Василиса Егоровна, обращаясь к мужу, говорит: «...В животе и смерти Бог волен: благослови Машу»: «Маша... подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: “Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит”» [15, с. 44].

Благословение в данном случае соседствует с наказом «молись Богу». Обратимся поэтому к эпизодам романа, связанным с *молитвой*. Оказывается, что молитва, как и благословение, возникает в тексте романа в самых кульминационных, решающих, пороговых ситуациях.

Гринев перед решающим приступом крепости, прощаясь с Машей, говорит: «Что бы со мной ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» [15, с. 41]. Он же, ожидая «очереди» на виселицу, сдерживает свое слово: «Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу».

В ожидании расправы после вылазки в Белогорскую крепость Савельич «крестился, читая про себя молитву». Он же говорит Пугачеву: «Век за тебя буду Бога молить» [15, с. 66]. Казалось бы, эти слова — обычная хитрость Савельича, а потому относиться к ним всерьез решительно невозможно. Однако и Петр Гринев более чем серьезно говорит Пугачеву, погубившему незадолго до этого отца и мать его невесты: «Где бы ты ни был и что бы с тобой ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души» [15, с. 71]. При этом «казалось, суровая душа Пугачева была тронута».

Будучи под арестом и ожидая суда, Гринев «не терял присутствия ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мной будет» [15, с. 79].

В пушкинском романе для спасения Петра Гринева необходимо *соборное участие* сразу нескольких персонажей, сопровождаемое молитвой матушки героя.

Чрезвычайно важен для адекватного истолкования пушкинского творения тот факт, что понятие чести входит в ту же сферу *благодати*, что и христианская *совесть*. Так, Андрей Петрович Гринев говорит о чести своего казненного «пращура», которая понимается им «святынею своей совести». Его сын заявляет Пугачеву: «Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести», тем самым неразрывно сопрягая в единстве своей личности «честь» и «христианскую совесть», а также ставя это единство, как и «пращур», превыше жизни («... Бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал») [15, с. 71].

В романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» понятие чести становится словно бы атрибутом благодати, поскольку неотделимо от христианской совести.

Таким образом, через речь, мировоззрение и поведение персонажей христианские константы милосердия, сострадания, благословения, молитвы, соборности, благодати, совести формируют национальное русское сознание героев повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Список использованной литературы

1. Александр Сергеевич Пушкин: Путь к православию / сост. А. Н. Стрижев. М. : Отчий дом, 1996. 106 с.
2. Андреева И. С., Боброва Л. А. А. С. Пушкин и православие: (Обзор) // Религия и общество : реф. сб. / ИНИОН. М., 1999. С. 61—86.
3. Афонин В. Религия и А. С. Пушкин. Невинномысск : Невинномыс. гор. тип., 1999. 128 с.
4. Батурова Т. К. О соотношении религии, философии и поэзии в мирозерцании пушкинского времени // Вестник МПУ. 1999. Т. V. С. 41—45.
5. Васильев Б. А. Духовный путь Пушкина / [послесл. С. Бычкова]. М. : Sam and Sam, 1994 (1995). 300 с.
6. Гринина О. А. С. Пушкин: путь к православию // Вестник науч. студ. о-ва Арзамас. гос. пед. ин-та им. А. П. Гайдара. Арзамас : Изд-во АГПИ, 1999. С. 49—52.

7. Грюнберг П. Н. Пушкин и познание истории // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института, 20—22 янв. 2000 г. : материалы. М. : Правосл. Свято-Тихонов. богосл. ин-т, 2000. С. 167—177.
8. Исхаков Х. И. Пушкин и религия. М. : Изд-во журн. «Москва», 1998. С. 246—249.
9. Ковалева С. Ю. Проблемы религиозности в мировоззрении и лирическом наследии А. С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 170 с.
10. Митрополит Анастасий (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. Б. м. : ИНГА, Б. г. [1991]. 61 с.
11. Митрополит Антоний. Пушкин как нравственная личность // Литературная Россия. 1990. 9 февр. С. 14—16.
12. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд. М. : Сов. писатель, 1987. 446 с.
13. Новикова М. Пушкинский космос: Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наследие, 1995. 353 с.
14. Панченко А. М. Пушкин и русское Православие // Русская литература. 1990. № 2. С. 32—43.
15. Пушкин А. С. Капитанская дочка. М. : Наука, 1964. 285 с.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1—4. М. : Изд-во АН СССР, 1962—1963; Т. 5—10. М. : Наука, 1964—1966.
17. Резников В., протоиерей. Размышления на пути к вере : ключевые проблемы бытия в творчестве А. С. Пушкина. М. : Лепта, 2006. 328 с.
18. Сурат И. Пушкин как религиозная проблема // Новый мир. 1994. № 1. С. 207—222.
19. Франк С. Л. Религиозность Пушкина // Русское Возрождение. 1998. № 71. С. 5—23.
20. Хохлова Т. А. Отображение русского народного сознания в образах героев повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // Портретная галерея повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» : четвертые научные Пушкинские чтения : междунар. сб. науч. работ. Оренбург, 2013. С. 148—153.
21. Шмелева А. В. Православный мир в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 263 с.

Поступила в редакцию 22.02.2013 г.

Хохлова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный аграрный университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18
E-mail: tatskokova@yandex.ru

UDC 82.09

T. A. Khokhlova

**Orthodox ethics in consciousness of the characters from the “The captain’s daughter”
by A. S. Pushkin**

The article considers the reflection of Christian values in consciousness of the characters from “The Captain’s Daughter”, the novel by A. S. Pushkin. The author gives the examples, which prove the characters’ ethic commitment to Orthodoxy. The paper also points out the stage of narration which reveals the Christian motives, steadily proves that Christian ethics completely defines the worldview and behavior of Pushkinian characters.

Key words: mercy, compassion, blessing, praying, collegiality, delight, conscience, national Russian consciousness.

Khokhlova Tatyana Alexandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor
Orenburg State Agrarian University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Chelyuskintsev, 18
E-mail: tatskokova@yandex.ru